

**ИЗ ИСТОРИИ ГЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕРРИТОРИИ
НИКОЛАЕВСКОГО РАЙОНА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(ОТ «КНИГИ БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ» ДО НАЧАЛА XX В.)**

Ключевые слова: Николаевский район, Волга, Еруслан, Эльтон, Нижнее Поволжье, Прикаспий, история, география, геология.

Следующее упоминание о реке Еруслан, по-видимому, можно прочитать в дневнике немецкого путешественника и посла в Московию Адама Олеария, проплывавшего по Волге в 1636 г. Прочтем его запись от 3 сентября: «3 сентября мы с левой сто-

А. Олeарий

роны увидели реку [Е]руслан, а направо напротив круглую гору Ураков [бугор], которую считают в расстоянии 150 верст от Саратова» [5, с. 447].

Голландский парусный мастер Ян Стрейс, плывший в Астрахань в августе 1668 г., также сделал пометку о реке в своем дневнике: «16-го миновали мы протекающую по левую сторону реку Еруслан и напротив нее гору Ураков Каруль...» [12, с. 191].

Молодой российский император Петр I, проплывавший по Волге в июне 1695 г. во время первого Азовского похода, также не преминул отметить Еруслан: «В 5 день, на 1-м часу дня проехали речку Добренку, впала с правой стороны; в том же часу прошли остров Еруслан и реку Еруслан, впала с левой стороны...» [8, с. 11].

Возникновение поселений на территории района связано с соляными промыслами на озере Эльтон, что в 130 км к юго-востоку. Начиная с 1747 г. (по данным других авторов – с 1739 г.) сюда стали прибывать переселенцы из Малороссии (Украина). Для доставки соли гужевым транспортом были проложены два сухопутных тракта от озера: один – до слободы Покровской (ныне г. Энгельс Саратовской обл.), другой – до слободы Николаевской, напротив Дмитриевска (ныне г. Камышин Волгоградской обл.).

В степи были открыты десятки «копаней» – колодцев с пресной водой, по трактам строились уметы – пристанища для возчиков. Покровская и Николаевская слободы становились базами, куда свозилась эльтонская соль. В Саратове и Дмитриевске строились «магазины» – соляные склады. Масштабы добычи, вывоза и продажи соли из года в год возрастали. Эльтонский промысел приобрел всероссийское значение. Государственная добыча соли велась с 1747 (по Указу Сената от 9 февраля) по 1882 г. За этот период было добыто более 540 млн пудов соли. Поскольку способы перевозки соли были крайне непроизводительны и влияли на своевременную ее доставку на склады, выдвигались проекты соединения промысла с Волгой, которые не были реализованы. К ним относятся проекты соединения Эльтона и Волги судоходным каналом (1805 г.), навесной дорогой на столбах (1812 г.), конно-рельсовой дорогой (1812 г.) и др.

И.И. Лепёхин

«Тандем» «Дмитриевск – Николаевская (Никольская) слобода» стал очень выгодным с точки зрения географического положения, на Нижней Волге. Практически ни одна сколько-нибудь крупная научная экспедиция не миновала «николаевский транзит». Значительная хозяйственная роль озера Эльтон и уникальность природы его окрестностей положили начало научному изучению этого региона со второй половины XVIII в. Академическими экспедициями 1768–1774 гг.

Первой здесь побывала экспедиция под руководством адъютанта И.И. Лепёхина летом 1769 г. О том, что посещение озера было важной целью экспедиции, говорит запись в дневнике руководителя: «Эльтонское озеро, находящееся на луговой стороне Волги, как наидостопамятнейшую вещь в сем нашем путешествии не хотели оставить без осмотра...» [4, с. 400].

29 июня отряд путешественников переправился с правого берега Волги на левый в слободу Никольскую. «Слобода Никольская, – писал Лепёхин, – построенная против самого Дмитриевска на луговой стороне, уже показывала нам преддверие к соляным степным местам. Несмотря на соседство Волги и песчаные места, окружающие сию слободу, в неглубоком земных недр разделении везде оказывалась солодоватая вода, что доказывали выкопанные в слободе колодцы. Слобода сия нарочито пространна, и поселены в ней малороссияне, приписанные к Эльтонскому озеру, которые наиболее участия имеют в поставке соли. С них никаких оброчных денег нет; но единственно они обязаны сделать до нескольких поездок на Эльтонское озеро за солью, и поставить оную до волжского берега. Соль они возят на волах, в сделанных нарочито для этого фурах. За каждый пуд соли получают они из казны по четыре копейки с половиной. На паре волов

возят по сто пудов и с лишком. Обеднявшие по какому-нибудь случаю, которые не в состоянии купить волов, получают на то казенные деньги с тем, чтобы на них завозить соль. Кроме сих поставщиков есть много и других охотников, которые приезжают из Малороссии с тем, чтобы им дозволено было развозить соль во внутренние российские места. Всяк из таких наемщиков обязан, прежде нежели получит дозволение везти соль куда ему потребно, сделать три поездки в пользу соляной пристани за указанную цену» [4, с. 401].

Приготовления к степному переходу на Эльтон заняли несколько часов. Было жарко. Подождя, когда спадет нестерпимый зной, Лепёхин двинулся в путь после обеда. Проехав несколько верст по луговой степи, обоз с путешественниками поднялся на степь, которая «...вся покрыта была глубокими песками, где никакой травы невидно было кроме дуркамана или малого дурнишника» (Там же, с. 402). Что удивило Лепёхина, так это обилие обозов с солью, идущих в обоих направлениях. Однако так было только у Никольской слободы, где сходились множество дорог от Эльтона. Выйдя на одну из них, путешественники уже реже встречали на своем пути чумацкие фуры. Чаше их сопровождала знойная тишина на многие версты вокруг.

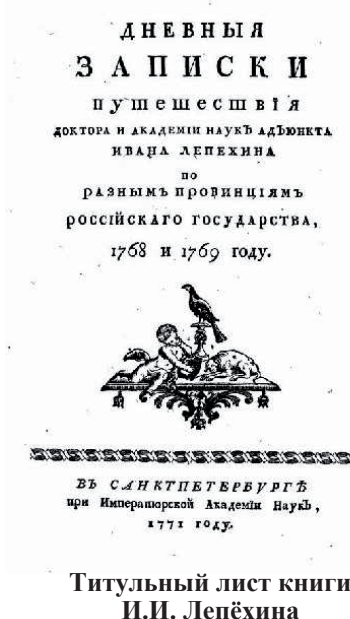
Через семь верст сделали первую остановку у Пресного озера, которое почти все заросло осокой. Озеро было важным прибежищем для тех, кто пускался в степь, с точки зрения запасов воды. От него Лепёхин со спутниками произвел «марш-бросок» по раскаленной степи до озера Могута. «Озеро сие, — писал Лепёхин, — так как и прежнее, заросло осокой и камышом, весьма вязко и тиновато. В поперечнике его не с большим верста почитается; а в округе будет около двадцати верст. Пресная вода и защита от болотных трав привлекают к нему великое множество различных водяных птиц, как то: уток, чапур, лебедей и диких гусей» (Там же, с. 403). На берегу озера находился постоянный двор с казаками, которые защищали возчиков соли от кочующих по степи калмыков. Здесь путешественники заночевали.

На следующий день экспедиция продолжила свой путь. К обеду приехали к озеру Булукта, представлявшее в то время два водоема, имеющих в окружности около версты. Таким же небольшим, но болотистым было пресное Круглое озеро, расположенное в пяти верстах от Эльтона. К вечеру на горизонте показалось долгожданное озеро Эльтон. Зрелище, открывшееся глазам путешественников, было необычным. Никто доселе ничего подобного не видел в своей жизни. Лепёхин в своем дневнике записал: «Подъезжая к Эльтону, представлялось глазам нашим на небе великое зарево, подобное тому, какое в темные ночи бывает при несчастных пожарных случаях. Зарево сие происходило от озера, в котором тузлук или рапа такой же имела цвет» (Там же, с. 404).

На Эльтоне Лепёхин пробыл несколько дней. Молодой ученый достаточно подробно описал озеро и его окрестности, а также тяжелый труд солеломщиков.

Как ни трудно было передвигаться по заволжской степи, которую Лепёхин назвал «неизмеримым полем и никем необитаемой пустыней», нужно было возвращаться на основной маршрут. Молодому ученому не терпелось подробнее описать практически неизученную местность, для чего он несколько изменил обратный путь. В начале июля экспедиция тронулась с берегов озера Эльтон на северо-запад. Через несколько часов уже подъезжали к озеру Горькому. Из дневника экспедиции: «Ширины в нем не более полуверсты; но длина его с шириной несравненна: ибо в округе его по сказкам верст около сорока будет. Оно не глубоко, но чрезмерно вязко. Вода в нем солоновата с пригоречью, и ее не только люди употреблять, но и скот пить не может (Там же, с. 411–412). Исследовав химический состав воды этого озера, Лепёхин обнаружил в ней глауберову соль, которую, по его мнению, можно было получать из отходов солеваренного производства.

К вечеру приехали на умет у озера Могута, где остановились на ночевку. Через день Лепёхин навсегда должен был покинуть пустынное Заволжье. Он не торопил события. Все интересовало пытливого ученого, ничто не проходило мимо заинтересованного взгляда Ивана Лепё-

хина. Вот и тогда он записал в своем дневнике довольно пространные рассуждения о пауках, тарантулах и тушканчиках, с которыми ему не приходилось ранее встречаться: «Тарантулы в степи приготовили нам новое зрелище. Мы, выкапывая их гнезда, заметили, какое оружие тварь сия противу гонящих себя употребляет. Как она видит, что ей все средства пресечены к побегу, становится неподвижно, и, надувшись, прсыкает из спины белый сок аршина на два, подобно как бы он пущен был из насоса. Я заподлинно уверить не могу, ядовит ли сей сок или нет: ибо никто из нас не хотел сделать такого опасного опыта. Впрочем карательные казаки на Могутинском умете уверяли нас, что одна малороссиянка в Никольской слободе, к великому своему несчастью, ядовитость сего сока извела. Она, вырыв такого паука в своем огороде и ворочая его палочкою, опрыснута была помянутым соком, от которого в скором времени рука разгорелась и опухла с нетерпеливой болью; и, конечно, с нею могли бы худые следствия случиться, ежели бы не употреблено было вскоре врачевание. За самое лучшее средство против тарантул почитаются сами же тарантулы. Их кладут живых в деревянное масло, и с оными настаивают до тех пор, пока нужда потребует. Тогда мажут только рану или опрыснутое место, и получают исцеление, не имея нужды прибегать к музыке: да и взять ее негде, потому что весь хор у простаков составляет чебысга или дудочка, которая в верховых городах сиповкою прозывается, и делается или из камыша, или из дягильных стеблей, или из таловых прутьев...

Сказывают, что черные овцы бывают великие неприятельницы на сих земляных пауков. Они их выкапывают из земли и с великим удовольствием пожирают, почему такие овцы в отменном почтении бывают у калмыков, которые тарантул весьма боятся, так что никогда на том месте не становятся, где тарантулы водятся, но проходят далее; хотя бы они и их скот от перехода утомлены были» [4, с. 415–417].

Июльская ночь прошла быстро. Нужно было пускаться в путь. До Никольской слободы оставался день перехода. Оттуда нужно было переправиться в Дмитриевск, а далее направиться в Царицын. На тракте то и дело попадались тушканчики, которых Лепёхин называл земляными зайчиками. Чтобы изучить необычных зверьков, пришлось несколько отловить.

В дневнике появилась последняя запись, сделанная в Заволжье: «Сие животное странное имеет телосложение. С наружного вида оно много схоже на зайца. И рылом так же моргает, как и заяц, но только оно тупо и как бы отрублено. Шерсть на спине у него серая, а на брюхе белая. Хвост чрезмерно длинный, белый и на конце лопаточкой, которую составляют длинные волосы, от основания до половины белые, а от половины до концов черные. Задние ноги также очень длинные, а передние чрезмерно коротки. На задних ногах он ходит и прыгает, а передними только поддерживает пищу. Живет он на степных местах в земле, где вырывает нору глубиной в колено с излучинами. Делает также и отнорки, подобные сусликовым, дабы в случае гонения можно было ему скорее укрыться» (Там же, с. 418).

Вечером Лепёхин со спутниками приехал в Никольскую слободу. На Волге штормило. О переправе не могло быть и речи. Заночевали, а на следующий день после обеда переправились на правый берег в Дмитриевск.

П.С. Паллас

В июне 1773 г. из далекой Сибири в Нижнее Поволжье приехал еще один отряд Академической экспедиции под руководством П.С. Палласа. Проследовав через немецкую колонию Сарепту и описав природу ее окрестностей, саму колонию, Паллас предпочел для зимовки Царицын, объяснив, что «...избрал сей город для своего пребывания, ибо сия страна весьма удобна к учению много различных наблюдений в естественной истории» [7, с. 202]. Однако поскольку до зимы еще было достаточно времени, он совершил путешествие по правому берегу Волги, «...дабы одну часть степи, лежащей на левой стороне оной, и выше Дмитриевска находящиеся немецкие селения осмотреть» (Там же).

Путешествие началось 4 августа. От Царицына, через Дубовку, экспедиция проследовала до Дмитриевска, куда путешественники прибыли 7 августа. На следующий день они переправлялись через Волгу в Никольскую слободу. Из дневника Палласа: «Сия

слобода лежит вкось к Камышинке несколько выше, на песчаной пологости одного рукава, составленного Волгою. Ее населяют по большей части малороссияне, кои тут ради соляного привозу поселились. Сие местечко имеет более трехсот домов, одну деревянную, хорошо построенную церковь и множество мелочных лавок, кои по большей части живущим тут россиянам принадлежат. Для провозу соли из Елтонского озера учреждена здесь экспедиция, где низовой соляной конторы член находится с потребными для оной писцами и командою. Как при самом местечке, так и на ближайшей двумя островами отделенной Воложке Солянке, отделенной от слободы на три версты простирающимися песками, построены большие соляные магазины и анбары, из коих нагружают суда, отправляемые вверх по Волге. Около слободы на песчаных возвышенностях построены многие ветряные мельницы по малороссийскому образцу, а на рукаве реки Волги, по которому вода весьма стремительное течение имеет, содержатся некоторые мельницы на судах» [7, с. 218].

Путь экспедиции проходил поначалу вдоль небольшого ручья, а затем по долине реки Еруслан. Здесь росли тростники, саликорния и различные солянки. Далее по Еруслану располагалась полынная степь, которая была прекрасным пастбищем для сайгаков. Вдоль впадающего в Еруслан Торгуна степь была столь бесплодна и засолена, что даже непригодна для выпаса скота. Кроме лебеды и солянок здесь почти ничего не встречалось. Почвы Паллас также охарактеризовал не лучшим образом: «Мягкий ил, или лучше сказать грязь, покрывающая сию степь, по большим дорогам превращается в весьма тонкую и летучую пыль, которая при нынешней засухе от малейшего движения высоко подымаясь на воздух, путешественников марала и тем для них весьма была не приятна» (Там же, с. 224). Трудно было выбрать место на ночлег с чистой и пресной водой, хорошей травой для лошадей. Единственным прибежищем был Еруслан, изобиловавший рыбой.

Далее экспедиция проследовала по соляному тракту, идущему параллельно Волге, до Саратова. 18 августа Паллас собрался в обратный путь на Царицын. 22 августа он со спутниками переправился при Дмитриевске через Волгу, что «...при ужасной буре и противном ветре не без труда и безопасно было», и, взяв в Никольской слободе подвод, углубился в степь. Паллас взял курс на Эльтон.

Наступило время цветения соляных растений, а поскольку сбор этих растений в окрестностях озера Эльтон Паллас определил последним «в сию осень на поле оставшимся делом», то он и решил предпринять возвратный путь в Царицын по степи через это озеро.

В 1853 г. Министерство государственных имуществ и Русское географическое общество организовали экспедицию на Каспий, которой предстояло установить способ рационального управления самими богатыми в мире рыбными промыслами. Во главе Каспийской экспедиции поставили академика К.М. Бэра. Во время первой поездки на Каспий он посетил Камышин. В Камышине путешественники остановились у ботаника-любителя, служившего при солеварне, Ивана Федоровича Ключина. Утром 1 августа Бэр со спутниками на тарантасе исправника поехали вдоль Камышинки осматривать старые каналы времен Петра I. Уже на закате дня они успели на горы Уши, где нашли много окаменелых раковин и отпечатков листьев.

Из дневника экспедиции: «1 авг(уста). Солнце садилось, и мы поспешили на Ушьи горы. Из глинистого песчаника там местами под острым углом выступает твердый. Две вершины стоят близко друг к другу на расстоянии всего нескольких сотен шагов, одна 70–80 футов высотой, другая (Шишанка. —

Петра Симона Палласа,

Медицины доктора, натуральной истории Профессора,
Санктпетербургской Императорской Академии Наук и
Вольного Экономического общества, Римской Импера-
торской Академии, Королевского Аглинского собрания и
Берлинского естествоиспытательного общества
члена

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.**

Часть третья.

половина вторая.

1772 и 1773 годовъ.

перевелъ

Василій Зцевѣ.

*ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи наукъ
1788 года.*

**Титульный лист книги
П.С. Палласа**

К.М. Бэр

С.М.) отстоит дальше, чем на версту, и, говорят, насчитывает в окружности три версты, в чем я, однако, сомневаюсь. С этих гор принесли раковины, среди них много листьев» [2, с. 78].

В Камышине экспедиция разделилась на две части. Шульц и Никитин поплыли в лодке вниз по Волге до Черного Яра. Бэр же вместе с Данилевским захотел осмотреть соленые озера Эльтон и Баскунчак. Рано утром 2 августа они вышли к переправе, на другой стороне которой их уже ждали лошади. Проехав несколько верст до Николаевской слободы, путешественники углубились в степь. По пути следования от цепкого взгляда Бэра, казалось, ничто не ускользало.

Из дневника экспедиции: «На первой станции – посадки каспийской ивы. До второй станции ничего нет. На третьей станции виден белый песок в высохшем русле реки. Начиная с третьей станции, появляется несколько солончаковых растений, ряд видов калийных растений (кохия, астрагал, турнефорция. – С.М.), да

еще какой-то маленький кустик... Немного в стороне от дороги (на третьей станции) видели много раковин моллюсков. Станционные здания в хорошем состоянии, поместительные, с пристройками». Запись на полях: «Мальва приземистая, лебеда копьевидная, много блох» (Там же, с. 79).

Особое внимание Бэр уделял колодцам на соляных трактах Заволжья. На каждой станции находились чиновники и крестьяне, освобожденные от рекрутчины, которые следили, чтобы колодцы были исправны. К каждому колодцу были приделаны колоды. Воду черпали кожаным мешком, вмещавшим шесть-восемь ведер. Если воды в колодце становилось мало, служитель сам спускался в колодец и наполнял мешок. Из мешка воду сливали в два бассейна. Между Саратовом и Эльтоном в то время было 59 колодцев. Даже спустя три года, будучи в Астрахани, Бэр в октябре 1856 г. написал письмо в отделение по добыче соли Саратовской казенной палаты с просьбой сообщить сведения о глубинах колодцев, вырытых по тракту от Николаевской слободы до озера Эльтон, и о качестве воды, а также представить копии карт дороги от Саратова до озера Эльтон.

Степь приятно удивила Бэра. Он заметил, что степь бывает разного цвета, в зависимости от увлажнения. Так, от полыни и лебеды она серая, иногда буро-серая или бутылочно-зеленая от солончаковой полыни, или коричневая, порой багрово-бурая от солянок. Однако стоит пройти дождю, как степь меняет все свои цвета на светло-зеленый от солеросов и солянок. «Вообще, – писал Бэр, – мне нигде не приходилось видеть степь столь пестрой окраски, как на пути к Горькому озеру. Не замечалось неприятного запаха, наоборот, степь благоухала от растущей по краям дороги полыни. Степь была прекрасна в этом красочном наряде без единого цветка, только единичные экземпляры армерий и коровьяка то тут, то там оживляли ее своими красками» (Там же, с. 80).

На всем пути следования до Эльтона встречались большие партии волов, которых или гнали, или пасли по 30–40 голов, и бесконечная вереница возов с солью. Бэр насчитал их более тысячи. Чем ближе был Эльтон, тем хуже была дорога. Она была испорчена колесами телег и стадами, глина и песок перемешались и окрасили дорогу в бело-красно-желтый цвет. Жизнь на тракте была более оживленная, чем во времена Лепёхина и Палласа. Не было уже тех убогих уметов с казаками, люди поселились здесь основательно и надолго. Из дневника Бэра: «Трехпольное хозяйство. Просо, яровая пшеница, овес. Глубокая вспашка с шестью-восемью волами. На песчаных местах много арбузов. На каждой станции держат не менее девяти лошадей. Теперь путешествует кроме чиновников много русских купцов, которые в этой местности имеют свои дома и лавки... На станциях нашим глазам представились почти все существующие домашние животные: лошади и рогатый скот, очень много простых и курдючных овец, свиней, несколько коз, кошка, множество кур, в особенности на последней станции, где также было много индеек, жирных гусей, а на последней станции – голуби и павлин. Там, где держат свиней,

растительность вся уничтожена. Встретилось несколько ветряных мельниц... Люди казались довольными и ни на что не жаловались. Дома очень опрятные, но недостатка в блохах не было» [7, с. 80–81].

Вскоре Бэр с Данилевским подъезжали к озеру Эльтон. Еще издали заметили необычный для августа пейзаж: огромная неглубокая котловина, будто бы заполненная снегом, по берегам которой лежали кучи соли, также похожие на снег. Небо над озером было очень мрачным из-за нависших туч.

Из дневника экспедиции: «...По берегам лежали кучи соли, похожие на снег. Небо над озером было очень мрачным... Два человека ломали колыями глыбы соли в пять вершков толщины... Каждый рабочий за сколку одного пуда соли получает шесть-семь копеек... В настоящее время запас соли составляет десять миллионов пудов. Около семи миллионов пудов добывается ежегодно. Бывают дни, когда добывают 250 тысяч пудов, как говорил мой проводник, но это мне кажется неправдоподобным...» (Там же, с. 81–82).

Описание природы его окрестностей в дневнике академика носит поверхностный характер, касается в основном растений и животных. Географические сведения скудны. Из дневника экспедиции: «Озеро никогда не замерзает, хотя зимой вода в нем бывает такой же температуры, как воздух... Когда дует ветер, противный месту работ, и вода поднимается, все озеро принимает красноватый цвет, происходящий, вероятно, от его глинистого дна; и рапа тут тоже красная... Со дна озера, говорят, бьют ключи» (Там же, с. 82–83). Познакомившись с жизнью ломщиков соли, работой весовщиков в конторе, К.М. Бэр покинул промысел и стал держать путь на озеро Баскунчак.

Особо хотелось бы отметить в длинном ряду исследователей Заволжья геолога Павла Александровича Православлева. Родившись на Нижней Волге, он проявил небывалый интерес к этому региону, т.е. выступил как краевед. Из 59 написанных им научных работ более половины посвящены Нижнему Поволжью и Прикаспию. Начав свои геологические и палеонтологические исследования в 1897 г., он продолжил их до самой смерти, т.е. в течение 45 лет, отдав им все свои помыслы, силы и незаурядный талант.

П.А. Православлев

Павел Александрович Православлев родился в семье священника 4 (16) октября 1873 г. в слободе Рахинка Царевского уезда Астраханской губернии (ныне Среднеахтубинский район Волгоградской области. – С.М.).

Сейчас уже трудно гадать, почему Православлев взвалил на свои плечи нелегкую, но первостепенной важности геологическую проблему изучения каспийских осадков Поволжья. Первым этого вопроса коснулся П.С. Паллас. Во второй половине XIX в. этим же занимались такие выдающиеся русские геологи, как И.В. Мушкетов,

А.В. Нечаев, Ф.Н. Чернышев, С.Н. Никитин, А.П. Павлов, Н.И. Андрусов. Трудami этих корифеев геологии было добыто большое количество фактического материала по геологии Нижнего Поволжья. Все они пришли к одному выводу, что Прикаспийская низменность в недавнем геологическом прошлом заливалась водами Каспийского моря, причем неоднократно. Единственное, в чем они разошлись, было то, что одни авторы полагали происхождение этих событий до появления исторического человека, другие считали их современными человеку. Н.И. Андрусов в 1905 г. писал, говоря о каспийских осадках Поволжья, что, «к сожалению, отложения эти еще недостаточно

изучены, и в особенности с стратиграфической и палеонтологической точек зрения» [6, с. 9]. П.А. Православлев проработал над решением этих вопросов всю жизнь, оставив выдающееся по своему значению научное наследие.

Тогда еще молодой Православлев не мог знать высказываний Андрусова, но, судя по всему, предугадал направление своей будущей научной деятельности. Вполне возможно, не последнюю роль в этом выборе сыграл фактор места рождения – окраина Прикаспия. Так или иначе, в своем выборе он не ошибся.

Для молодого ученого начался период полевых исследований по сбору собственного фактического материала для будущей магистерской диссертации. Еще одно «совпадение»: первые геологические наблюдения Православлев проводил в родном Царевском уезде, по результатам которых в 1899 г. в «Трудах Варшавского общества естествоиспытателей» была опубликована его первая научная работа. Летом этого же года он исследовал геологическое строение правого берега Волги от Камышина до Каменного Яра, а спустя год – берегов озера Эльтон.

Лето 1899 г. Православлев уделил самое пристальное внимание левобережью от Еруслана до Баскунчака. Он поставил перед собой две основных задачи: «...а) пополнить имеющийся в научной литературе фактический материал о песчано-глинистых образованиях, слагающих степное плато поволжья, и б) путем возможно тщательного изучения этих образований на месте – попытаться найти указание на характер начальных фаз арало-каспийской трансгрессии и на геологическую природу развивавшегося, в пределах поволжья, бассейна» [9, с. 1].

С точки зрения геологии Православлеву досталась «целина», никем до него, как ни странно, не изученная. Это были восточные части 93 и 94 листов специальной 10-ти верстной карты Европейской России, входившие в состав Царевского и Енотаевского уездов Астраханской губернии. Наблюдения предполагалось продолжить далее на юго-восток до Каспия, но очередная эпидемия чумы прервала исследования.

Тем не менее собранного фактического материала хватило на предварительный геолого-геоморфологический очерк. Правда, многое из того, что описывал Православлев, ныне затоплено Волгоградским водохранилищем.

Вместе с молодым ученым можно совершить необычную экскурсию по берегам Волги почти вековой давности. В том, что она будет интересной, сомневаться не приходится. У Православлева были неплохие задатки рассказчика, популяризатора своей науки.

Православлев писал: «В орографическом отношении площадь моих наблюдений, т.е. приволжская часть Царевского и частью Енотаевского уездов, довольно естественно распадается на а) степное плато, б) древне-террасовые образования и в) заливные долины Волги и Ахтубы с одной стороны, Тургуна и Еруслана с другой.

Степное плато описываемого района представляет обычную "ровную или слегка волнистую равнину", с резко выраженным характером солончаково-попынной степи, и показывает пологое падение с севера на юго-юго-восток, по направлению к каспийской котловине. Так, имея, в прибрежной полосе, у Николаевской слободы (против Камышина) абсолютную высоту в 4,5 саж., она уже у с. Быково показывает высоту в 3,3 саж., <...> К сожалению, крайняя скудость имеющегося относительно низовых приволжских степей гипсометрического материала не дает возможности представить это детальнее, с желательной полнотой...

Не входя в подробности устройства поверхности осмотренного мною участка степного плато, отметим только, что здесь имеет место развитие обычных балок, степных лиманов, – с более или менее солоноватой водой (напр. Тажи и пр.); так наз. бугров, бархановых образований, – солончаков и пр.

Древне-террасовые образования в описываемом районе наиболее типично выражены в северном отделе, именно до параллели Царицына. На этом протяжении, от устья р. Еруслана почти до с. Верхнее-Ахтубинского, вдоль левого края Волжской долины тянется, с большими или меньшими перерывами

вами, <...> "надлуговая терраса", на которой приютились целый ряд приволжских сел: Бережновка, Молчановка, Слободка, Николаевка, Быково, Балыклеи, Пролейка, Водяное, Широкое, Рахинка, Верхнее и Среднее Погромное и др. При этом, приволжский край коренного плато то приближается к Волжской долине и своими высотами непосредственно ограничивает ее с востока, то более или менее отесняется от нею к востоку о Волжская долина в таком случае окаймляется слева прежде всего высотами "надлуговой террасы". Рыхлое песчано-глинистое сложение последней является крайне удобным материалом для развития барханов и сыпучих песков. В настоящее время, благодаря неправильной распахашке под арбузные бахчи и пр. и хищническому уничтожению верхнего дернового слоя, появились значительные площади песков в районе развития этой террасы. Так, в Молчановской волости площадь песков исчисляется ныне в 142 десятины; в Слободской 109 дес.; в Николаевской 14,600 дес. (из них у самой слободы 3,500 дес.); в Кисловской 2,000; Быковской 2,600 дес.; в Калмыцко Балкской 11,390 дес. и т.д. При чем значительная часть этих песков приходится именно на приволжский район развития данной террасы...

Что касается заливных долин р.р. Волги, Ахтубы, Еруслана и Тургуна, то устройство поверхности их не представляет каких-либо характерных особенностей: те же старицы, заливы, болота, озера, речные наносы и пр.

Переходя к собственно геологической части моих наблюдений, я оставлю в стороне песчано-глинистые образования террасы и заливных долин, и в этом кратком предварительном сообщении коснусь, в общих чертах, только тех образований, которые слагают степное плато описываемого района.

Итак, в пределах приволжских степей Царевского и частью Енотаевского уездов Астраханской губ., песчано-глинистые образования, слагающие равнинное плато степи, покоятся на темно-синих, зеленовато-серых, синевато-бурых и пр. пластических мергелистых глинах, согнутых в очень пология складки... В настоящее время мне удалось проследить продолжение подобного ложа до бассейна Еруслана, включительно. Выходы этих глин на дневную поверхность можно наблюдать в бассейне Еруслана у с. Беяевки, Кривой Луки, Бережновки и пр.; в бассейне Волги – у Молчановки (<...> "стена"), на левом берегу меженной Волги против Добриньких, против Слободки... Повсюду эти глины показывают пологую складчатость, при чем на дневную поверхность выходят, более или менее, лишь гребни складок. Поэтому, изучать геологический характер этих глин в большинстве случаев является возможным лишь в пределах выхода (всегда более или менее незначительного) того или иного обнаженного крыла складки. Наибольшее вертикальное обнажение этих глин не превышает здесь 2–3 метров; обычно же оно варьирует в пределах от 1 метра до 0,5 м и менее. Господствующее простирание складок, по видимому, NO, которое переходит часто в NW; падение в большинстве случаев не превышает 10–15°.

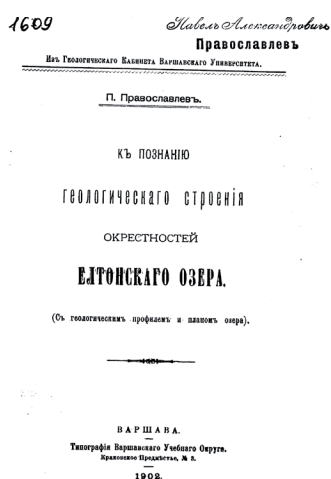
В связи с выходом на дневную поверхность гребней этих глин наблюдается, очень часто, развитие на поверхности прилежащей степи «бугров», расположенных, в общем, по линии простирания нижней складки. Вместе с тем, эти глины в самом общем случае служат основным водоносным горизонтом приволжской степи; на их поверхности обычно струятся из под разрезов более или менее обильные, чаще солоноватые, родниковые ключи. В связи с последним обстоятельством находится часто наблюдаемая минерализация песков, залегающих на крыльях и в мульдах, образованных этими глинами. В большинстве случаев, появление в основании разрезов интенсивно окрашенных, железистых песков почти всегда служит предвестником выхода, по близости, данных глин на дневную поверхность. Иногда такая минерализация является настолько значительной, что пески приобретают характер типичных рудоносных песчаников. Это имеет место, напр. у Молчановки...

Переходя к ближайшей характеристике пластических глин, составляющих складчато-дислоцированное ложе песчано-глинистых образований описываемого района, я должен признать, что мне не удалось найти несомненных указаний на их возраст... Считая этот вопрос открытым, я отмечу здесь лишь тот несомненный факт, что пред отложением песчано-глинистой толщи степного плато, данные глины пережили, в описываемом поволжье, наземно-континентальный период. Факты этого рода наблюдаются почти в каждом из осмотренных мною выходов этих глин. Так, в одних случаях мульды и

крылья, образованные складками этих глин, заполнены торфянисто-растительными слоистыми скоплениями (напр. «Стена» у Молчановки, Беляевка и проч.)...» [9, с. 2–8].

На Эльтон Православлев приехал летом 1901 г. Здесь он был впервые. Прошло почти 20 лет со времени окончания добычи соли на Эльтоне, которая была остановлена из-за невозможности конкурировать с более дешевой солью озера Баскунчак. Зрелище, представшее его глазам, было удручающим. «В настоящее время, – писал Православлев, – этот некогда центр кипучей, своеобразной промышленной жизни, – представляет унылый пустырь и лишь амфилады заброшенных и покривившихся казенных построек – амбаров, весовых, приемочных, цейхаузов и пр. – да ряды полужатянувшихся канав и забоев по западному берегу озера напоминают о его богатом прошлом» [10, с. 2].

В отличие от своих предшественников, Православлев сделал очень подробную физико-географическую характеристику озера и его окрестностей, а также стратиграфическое, литологическое и фаунистическое описание изученных отложений.

Титульный лист книги П.А. Православлева

Николаевку. Дюма давно мечтал побывать в России, но ждать этого пришлось почти 20 лет, что вполне созвучно названию его романа «Двадцать лет спустя».

Водная часть путешествия началась в Казани. Вскоре пароход прибыл в Саратов. Поздно ночью пароход снялся с якоря, а в девять утра 10 октября он уже швартовался к причалам Николаевки. Дюма записал в своем дневнике: «Итак, мы сошли на берег в Николаевке и с нашей подорожной в руках направились к почтовой станции... В России невозможно получить почтовых лошадей без подорожной, как во Франции нельзя путешествовать без паспорта. Эти подорожные имеют более или менее обязательный характер, они действительны в течение того или иного срока... Увидев мою подорожную, староста без обычных в таких случаях задержек предоставил нам пятерку лошадей... Нам предстояло преодолеть около двухсот шестидесяти верст. Это составляет примерно шестьдесят пять французских лье. По такой плоской местности и по такой гладкой дороге, как степи, на эти шестьдесят пять лье ушел бы один день, если бы мы не теряли на каждой станции по два часа» [1, с. 143–144].

Итак, все необходимые формальности были улажены, можно было отправляться. Дюма, находившийся в России уже четыре месяца, казалось бы, ничему уже не должен удивляться. Однако здесь, в Заволжье на почтовых станциях, он сделал еще одно интересное наблюдение, так созвуч-

Если коротко сказать о результатах исследований Православлева, то скажем его же словами: «Таким образом в окрестностях Елтонского озера имеются выходы палеогена, мела и верхней юры, а также арало-каспийские осадки. Пласты палеогена, мела и юры выведены из горизонтального положения и образовали, повидимому, почти поперечный сброс по линии NNO, на опустившемся крыле которого в настоящее время покоится значительнейшая часть Елтонского озера. При чем, современная котловина названного озера была уже обозначена в общих чертах к началу арало-каспийской трансгрессии» (Там же, с. 51).

30 декабря 1901 г., после трех месяцев напряженной работы, Православлев закончил отчет о своей поездке на озеро Эльтон, который на следующий год вышел отдельной монографией «К познанию геологического строения окрестностей Елтонского озера». Это была первая крупная научная работа молодого ученого.

Особняком от науки стоит путешествие по Волге знаменитого французского писателя Александра Дюма в 1858 г., во время которого он посе-

А. Дюма

ное и нынешнему дню, что в России все определяется чином: «Крест на шее, который каждому русскому чиновнику говорит о том, что перед ним полковник, сокращает ожидание примерно на полчаса; орденская звезда на мундире, указывающая на генеральский чин, дает выигрыш в один час... Правда, в России чины не заслуживают, их приобретают; меньше всего там ценятся достоинства человека и более всего – занимаемый им чин. Поэтому чин, по выражению одного русского, – это поистине теплица для выращивания интриганов и мошенников... Россия – страна, где больше всего советников и где меньше всего просят у них совета. Все эти титулы, все эти чины имеют также соответствия в армейской иерархии. Соблюдает их и почта: если лошади запряжены в экипажи капитана, но вдруг приехал полковник, смотритель должен распрячь лошадей и отдать их полковнику. Так поступает генерал с полковником и маршал с генералом. На моей подорожной было написано: «Господин Александр Дюма, французский *littérateur*». Но поскольку слово «*littérateur*», очевидно, не имеющее эквивалента в русском языке, было написано по-французски, то ни один смотритель понятия не имел, что оно означает. Калино представлял меня как генерала, и мне оказывали все полагающиеся этому чину почести» [1, с. 144].

Последуем вслед за Дюма, который едет по заволжской степи. Совершенно иная природа, отличающаяся от средней полосы России. Однако в записях великого романиста тоска: «Нет ничего более унылого, чем бесконечные плоские степи, покрытые серым вереском, настолько пустынные, что это чуть ли не событие, когда вдруг замечаешь на горизонте силуэт всадника, и можно проехать иногда тридцать или сорок верст, не увидев ни одной птицы... Мы решили двигаться и днем и ночью, пока не доберемся до озера, ведь степи не могли порадовать глаз чем-то примечательным» (Там же, с. 144–145).

Однообразный пустынный ландшафт скрасили редкие шатры казахов (у Дюма киргизы. – С.М.), которые стали попадаться путешественникам между первой и второй станциями. Шатры были сделаны из войлока и имели форму пирамиды с отверстием наверху, куда выходит дым от очага. Внутри шатра диаметром 3–3,5 м, находились кровать или циновка, шкаф и немногочисленная кухонная утварь. К вечеру Дюма со спутниками приехали на почтовую станцию, где решили заночевать. Дюма заметил, что все русские станции построены по одному образцу: «Побеленные известью стены, две доски, могущие заменить диван или кровать, два стула и печь, загромаждающие часть комнаты; кипятилок, в котором завариваются травы, образцы местной флоры (причем название чая сохраняется за любым напитком) – вот и все, что путешественник неизменно встречает в этих домах. Правда, вода в киргизских степях горьковато-соленая, и чересчур нежные желудки вынуждены обходиться без нее. Еды же там нет никакой, ну совершенно никакой! Таким образом, путешествуя по России – стоит об этом напомнить, – необходимо взять с собой все: матрац под поясицу, подушку под голову, съестные припасы, чтобы заморить червячка» (Там же, с. 146).

Дюма, который очень любил поесть, знал, что в пути не удастся раздобыть никакой провизии. Поэтому путешественники заранее запаслись хлебом, яйцами вкрутую и вином. Кроме того, саратовские друзья зажарили для них двух цыплят и отварили судака. Так что проблем с ужином не было. Потом путники подремали пару часов, завернувшись в шубы. Дюма как старший по возрасту спал на двух досках, остальные ночевали на полу. На рассвете все выпили по чашке чая, а спутники писателя опрокинули еще и по стаканчику пшеничной водки, на что Дюма не мог смотреть без содрогания. И снова отправились в путь.

Вновь путешественники ехали «...по настоящей пустыне, бескрайней, без малейшего бугорка, по океану вереска, который весной превратится в радостный зеленый ковер и который сейчас, при полном отсутствии цветов, покрывал всю степь унылой скатертью пыльного серого цвета, с отдельными рыжими крапинками» (Там же, с. 147). Дюма надеялся встретить дичь, но кроме нескольких хохлатых жаворонков да неизвестной писателю птицы ничего не попадалось. В полдень путешественники проехали стороной, на расстоянии трех верст, озеро (вероятно, Булухта. – С.М.), и Дюма показалось, что над его поверхностью летели серые и белые точки, должно быть, дикие гуси и чайки. Однако стрелять на такое расстояние не имело смысла, и потому путники продолжали ехать с еще большим рвением. Че-

рез три часа они увидели «как бы огромное серебряное зеркало», лежащее у самого горизонта. Этим зеркалом было озеро Эльтон.

С развитием на Волге судоходства Николаевская слобода стала постоянным пунктом в многочисленных путеводителях и спутниках (Нейгардт, 1862; Боголюбов, 1863; Монастырский, 1884; Лавров, 1900 и др.).

Особо стоит сказать об энциклопедиях, но не совсем обычных. На рубеже XIX–XX вв. выходило уникальное по сей день издание – «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», имевшее подзаголовок «Настольная и дорожная книга». Книга была рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию и носила просветительский характер. Один из томов был посвящен Среднему и Нижнему Поволжью и Заволжью. Нашлось в нем место и для Николаевской слободы: «Верстах в 30 ниже Добринки на левом берегу Волги, уже в Астраханской губ., расположена большая слобода Николаевская <...>. Основание ее относится к концу XVIII в., когда здесь поселены были малороссы для вывоза соли с озера Эльтона. В Николаевской слободе была соляная контора и склад эльтонской соли вплоть до 60-х годов XIX стол., когда начавшаяся разработка Баскунчакского соляного озера, как более дешевая, убила эльтонскую соляную промышленность. Главные занятия жителей (20.000) составляют земледелие, скотоводство, бахчеводство и торговля, преимущественно хлебная. В слободе 5 церквей, 8 училищ, больница на 12 кроватей, аптека, почтово-телеграфное отделение, ссудо-сберегательное товарищество, три ярмарки, много торговых заведений, до 20 заводов и пристань, на которой разгружается до 500 тысяч пудов, преимущественно лесных материалов, и отправляется до 2 ½ миллионов пудов, главным образом хлеба. В 140 верстах к юго-востоку от Николаевской слободы находится в Царевском уезде озеро Эльтон, с которым слобода соединена трактом. Эльтон – самое огромное из всех известных в мире самосадочных озер... Против Николаевской слободы в Волгу с правой стороны впадает речка Камышинка...» [11, с. 503–504].

Несколько слов сказано о реке Еруслан и прилегающей к ней местности: «Против Усть-Кулалилки в Волгу слева впадает р. Еруслан. Близ слияния Еруслана с Волгой, на возвышенной равнине находится 17 курганов, в близком друг от друга расстоянии; один из них – громадной величины, несколько – средних и остальные – небольшие. Существует предположение, что здесь было или татарское кладбище, или поле битвы, на котором погребены тела павших воинов... Р. Еруслан в своем нижнем течении служит границей между Новоузенским у. и Царевским Астраханской губ.» (Там же, с. 502–503).

Сегодня Николаевск представляет собой райцентр с достаточно развитой инфраструктурой. Здесь имеются прекрасные кинотеатры, Дома культуры, библиотеки, стадион, 5 школ (в том числе музыкальная), краеведческий музей и музей писателя М.И. Шолохова. В Николаевске имеются также автовокзал и речной причал. По современной планировке, обилию зеленых насаждений и цветов город выгодно отличается от многих районных центров Волгоградской области.

Литература

1. Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию / пер. с фр. В.А. Ишечкина; автор вступ. ст. и примеч. В.А. Ишечкин. М. : Изд-во «Спутник+», 2009.
2. Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы / сост. Т.А. Лукина. Л. : Наука, 1984. Т. 9.
3. Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.–Л. : АН СССР, 1950.
4. Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 г. СПб., 1795. Ч. I.
5. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
6. Оноприенко В.И. Николай Иванович Андрусов. 1861–1924. М. : Наука, 1990.
7. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3, половина вторая.
8. Походный журнал Петра I 1695 г. СПб., 1910.
9. Православлев П.А. Геологические наблюдения по правому берегу реки Волги, между Камышином и Каменным Яром // Тр. Варш. об-ва естествоиспыт. Варшава, 1900. С. 1–44.
10. Православлев П.А. К познанию геологического строения Эльтонского озера // Изв. Варш. ун-та. Варшава, 1901/1902.

11. Россия. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 6 : Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье (Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии). Спб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1901.

12. Стрейс Я. Три путешествия. М. : ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935.

From the history of geological and geographical research of the territory of the Nikolaevsky district of the Volgograd region (from the “Book to the Great Sketch” to the beginning of the XX century)

There is described the research history of the nature of the Nikolaevsky district of the Volgograd region, covering the period from the first half of the XVII to the beginning of the XX century.

Key words: *Nikolaevsky district, Volga, Yeruslan, Elton, Nizhny Volga region, Caspian region, history, geography, geoecology.*